

КЛАССОВАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ БУРЖУАЗНОЙ ПАТОПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ. ФРЕЙДИЗМ И НЕОФРЕЙДИЗМ

С. К. РОЩИН

(НИИ психологии АН СССР, Москва)

1

В 30-х годах в США появился термин «социальная психиатрия». Вначале им пользовались не столько психиатры, сколько социологи, говоря о социальных факторах, вызывающих расстройства личности. В 1946 году в Англии был создан Институт социальной психиатрии и вскоре термин получил права гражданства во многих странах мира. В дополнение к нему приобрели широкое хождение такие понятия как «больное общество», «психотерапия общества» и т. п. Эволюция некоторых терминов и понятий отражает глубинные процессы, происходящие в современном буржуазном обществе и носящие сложный социальный, психологический и идеологический характер. Эти процессы складываются из двух основных явлений: из быстрого роста доли населения, страдающей теми или иными формами расстройства личности, и из попыток найти способы массового применения методов психиатрии и патопсихологии не только для лечения больных, но и для «лечения» здоровых. В результате одни психологи и психиатры заявляют, что их пациентом стал не индивидуум, а общество в целом, а другие выражают серьезную тревогу по поводу превращения наук о психике человека в опасное средство контроля и управления в руках правящего класса.

Психологию личности интересуют главным образом те виды психических отклонений, которые относятся к области так называемой «малой психиатрии», то есть неврозы и психопатические состояния, пограничные между нормой и патологией и проявляющиеся прежде всего в социальном поведении человека. Пожалуй, никто не смог бы назвать сейчас более или менее точное число людей, страдающих названными психическими деформациями. Причин этому несколько. Прежде всего, лишь незначительная часть лиц при подобных расстройствах обращается к психиатрам. Одни далеко не всегда имеют средства для весьма дорогостоящего лечения, другие, как правило, психопаты, не считают себя больными. Кроме того, не существует единого подхода к диагностике пограничных состояний и их классификации, поэтому даже имеющиеся статистические данные нередко построены на базе разных нозологических и таксономических признаков. Наконец, официальная буржуазная статистика иногда проявляет тен-

денцию к занижению сведений о количестве психически неполноценных граждан. Тем не менее, имеющаяся в западной литературе статистическая информация и данные выборочных исследований отдельных ученых позволяют получить определенное представление о распространенности неврозов и психопатий. Так, большинство западных исследователей считают, что неврозами страдают от 10 до 30% взрослого населения. Эта цифра подтверждается, в частности, конкретными исследованиями, проведенными группой Л. Сроула в Нью-Йорке и группой Д. Лейтона в г. Нова Скотия. В первом случае было выявлено 30%, а во втором 32% лиц с клиническими симптомами неврозов [8]. Доктор А. Лейтон полагает, что от 10% до 50% населения западных стран страдают от «явных эмоциональных и душевных расстройств» [9; 123]. Что касается психопатов, то здесь положение еще сложнее, поскольку, как сказано выше, они к врачам чаще всего не обращаются и определить их число невозможно.

Быстрый рост числа психопатических и псевдопсихопатических отклонений в странах капиталистического мира вполне закономерен. Дело в том, что сами условия буржуазного общества вынуждают людей избирать такие формы поведения, которые обычно свойственны психопатам. Для большинства психопатических типов характерна одна общая черта: преобладание таких аффективно-волевых нарушений, которые в личностных качествах выражаются в крайнем эгоизме и эгоцентризме, извращенном содержании ценностных понятий, нежелании считаться с интересами окружающих и общепринятыми нравственными установками. Легко понять, что именно такие качества формируются у человека, который хочет преуспеть, живя в условиях «законов джунглей», царящих в капиталистическом обществе. Не случайно поэтому в 40-х и 50-х годах в американской психиатрии появилось понятие «частичного психопата» [7]. Так стали называть людей, обычно занимающих заметное положение в обществе и не проявляющих каких-то «привычных» признаков психической болезни. Это люди умные и обычно лучше других преуспевающие в жизни, но их отличительной чертой является жестокость, эгоизм, беспринципность, игнорирование любых человеческих ценностей, если они противоречат их личным интересам.

Считается, что психопатии и отдельные психопатические черты личности развиваются из врожденных, конституциональных задатков. Однако с несомненностью также установлено, что здоровая социальная среда, правильные условия жизни и воспитания личности могут компенсировать патологические задатки и блокировать их влияние, так что в результате развивается практически нормальный человек. Крупнейший авторитет в области «малой психиатрии» П. Б. Ганушкин отмечал: «Представленная нами динамика психопатии есть динамика сугубо индивидуальная, индивидуально клиническая, — правда, с возможно широким использованием факторов быта и социальной среды; уже из чисто клинического изучения проблемы ясно — это нами не раз подчеркнуто, — что степень, сила, жизненное проявление (не тип) конституциональных психопатий зависят от внешних факторов в полном объеме этого слова» [1; 251].

Общепризнано также, что среда, внешние условия, воспитание и, главное, реальные требования общества к индивиду могут из совершенно здорового человека создавать личность с психопатическим типом поведения. Иллюстрацией к этому являются псевдопсихопаты или «частичные» психопаты, «открытые» в США.

Для психиатра эти понятия уже выходят за рамки патологии и потому, возможно, не представляют большого интереса. Однако для социального психолога и подлинные психопатии и их аналоги — фено-

мены одинаково важные, так как и те и другие ведут к одинаковым последствиям и выступают как явления социальные. Именно поэтому в западной психологической литературе понятие психопат нередко заменяют термином «социопат». Этот новый термин прямо отражает социальную природу психопатического поведения и, что особенно важно, социальную, а нередко откровенно классовую трактовку его содержания. Ведь «социопат» — это человек, нарушающий официально признанные нормы *конкретного* общества. Таким образом, в современном буржуазном обществе к категории социопатов может быть отнесен любой человек, выступающий против капиталистических нравов, духа милитаризма, социального и расового угнетения. Политическая действительность буржуазного мира дает конкретные примеры попыток практической реализации такого подхода. Так, в 1967—68 гг. американский Центр усовершенствованных исследований в поведенческих науках, выполняя классовый заказ правящих кругов, изучал причины массовых антиправительственных выступлений студенческой молодежи в США. В итоге этой работы оказалось, что целую группу выдвинутых гипотез можно отнести к психопатологическим вариантам, согласно которым причины волнений объясняются теми или иными психическими отклонениями, якобы свойственными студентам [11].

Из такого «анализа» социально-политических событий, естественно, был сделан следующий вывод: выступающих против существующих порядков буржуазного общества надо «лечить».

2

Почти каждая буржуазная теория личности выдвигает свою точку зрения на невротические и психопатические расстройства. Более того, многие общие концепции личности возникли на базе клинической психологии и поднялись до уровня широких обобщений, имеющих определенное идеологическое значение. К их числу принадлежит, в частности, — одна из первых детально разработанных теорий личности — теория Фрейда. Фрейдизм и неопрейдизм заслуживают серьезного внимания, потому, что несмотря на многолетнюю критику с разных позиций ортодоксальных установок Фрейда, несмотря на отказ подавляющего большинства западных психологов от его идеи пансексуализма, многие положения фрейдистского учения, как в чистом виде, так и в модернизованных его вариациях продолжают оказывать серьезное влияние на психологическую мысль Запада. В последние годы в психоаналитическом движении выделилось направление, пытающееся экспериментальным путем доказать правильность многих фрейдистских и неопрейдистских взглядов. Теории и методы психоанализа занимают не последнее место не только в клинической психологии, но и в практике быстро распространяющейся «социальной терапии».

Как известно, по Фрейду, главным энергетическим компонентом человеческой психики является либидо, лежащее в основе сексуальных влечений. Вначале Фрейд пользовался просто термином «секс», однако, осознав, что невозможно все-таки свести все человеческие проявления к голому половому инстинкту, ввел новое, более широкое понятие — либидо. Это не значит, что Фрейд отказался от принципа изначальности сексуальных влечений. Он просто усложнил свою схему, введя в нее систему различных механизмов, с помощью которых эти влечения находят выражение в самых разнообразных формах, в том числе в форме эстетических чувств, чувства дружбы, потребности в творчестве и т. д. В трехкомпонентной теории личности Фрейда носителем либидо

выступает «Ид» (подсознательная часть психики), а носителем усвоенных социальных норм «Супер-эго». В конечном итоге вся жизнь человека сводится к борьбе Ид с обществом, в которой Ид стремится реализовать свои инстинктивные влечения. Супер-эго выступает то как союзник Ид, давая оправдания тем или иным поступкам человека, то как медиатор, подменяя антиобщественные влечения социально-приемлемыми, то как противник, подавляя отдельные стремления Ид.

Для осуществления этих разнообразных функций Супер-эго пользуется системой специальных механизмов (сублимации, проекции, переноса, подавления и т. д.). Организм рассматривается как закрытая энергетическая система, управляемая законом сохранения энергии. Поэтому, если либидо остановлено в одном из своих проявлений, оно должно неизбежно произвести какие-то другие эффекты. Супер-эго обеспечивает социальную приемлемость этих эффектов. Если же это ему не удастся, то конфликт между Ид и Супер-эго приобретает острый характер, «нормальное» функционирование системы нарушается и заблокированное либидо находит свое выражение в патологических симптомах болезни, в неврозе.

При этом, по убеждению Фрейда, чем выше уровень развития цивилизации, тем больше естественные влечения человека должны подвергаться «подавлению» и, следовательно, тем больше возникает условий для распространения неврозов. Кстати говоря, именно этот тезис взял у Фрейда Маркузе, который, пытаясь соединить уже в наше время марксизм с фрейдизмом, доказывает, что все беды капитализма происходят от того, что общество заставляет человека подавлять его инстинктивные влечения больше, чем это биологически необходимо [10].

Полностью исключая общественно-исторический подход к анализу взаимоотношений человека и общества, Фрейд не скрывает своих откровенно реакционных взглядов. Он считает, что широкие массы народа для того, чтобы выжить, неизбежно обречены на применение низменных защитных механизмов, таких как наркомания, религия, секс. Лишь немногие избранные способны воспользоваться механизмом сублимации, то есть механизмом возвышения своих примитивных потребностей до уровня интеллектуального и эстетического творчества, высоких чувств и стремлений.

Следует отметить, что в течение всей своей жизни Фрейд проявлял удивительный научный консерватизм и крайнюю нетерпимость к критике, из-за чего и потерял целый ряд своих последователей. Несмотря на то, что он снова и снова в своей клинической практике встречался с фактами, которые противоречили концепции доминирующей роли сексуальности в психической жизни человека, Фрейд тем не менее не мог от нее отказаться и вместо коренного пересмотра своих взглядов неоднократно обновлял старую теорию. Одним из таких последних и коренных обновлений явилось введение им после 1920 г. понятий инстинкта жизни («Эрос») и инстинкта смерти («Танатос»). В это же время окончательно оформилась концепция личности, как взаимодействия Ид, Эго и Супер-эго. Толкнула Фрейда на эти нововведения первая мировая война, так как с помощью одной теории либидо никак не удавалось объяснить неврозы, возникавшие на фронте и после войны. «Танатос», или инстинкт смерти, представляет, по Фрейду, врожденное стремление человека к самоуничтожению. Навязчивые кошмары, преследующие людей, заболевших на фронте, и являются ничем иным, как проявлениями этого инстинкта. Но поскольку стремление к самоуничтожению губительно для человека, то возникает постоянная необходимость преобразовывать его в другие, менее опасные формы. Это достигается двумя путями: либо комбинированием чувства агрессивно-

сти с либидо, и тогда оно приобретает форму садизма или мазохизма, либо путем направления агрессии против других. Если же это врожденное чувство агрессивности не нашло адекватного выхода, а просто подавлено, то это ведет (так же, как и подавление либидо) к возникновению невроза.

Исходя из этой теории, Фрейд стал рассматривать войны как стремление наций к психологическому самосохранению, поскольку иначе национальная агрессивность, не направленная во вне, должна приводить к внутренним конфликтам, к самоуничтожению. Такая предельно реакционная концепция Фрейда вызвала бурю протестов даже среди его верных сторонников.

Фрейдизм в его классическом виде давно не имеет такого распространения, как это было в первые десятилетия нашего века. Хотя и сейчас сохраняются ортодоксальные его течения, например, английская школа Мелани Кляйн, многие авторы стали создавать свои собственные школы психоанализа. Одним из первых «мятежников» в психоаналитическом движении стал Юнг. Его аналитическая психология претендует на историзм. По Юнгу, психика человека включает три уровня: сознание, личное бессознательное и коллективное бессознательное. Главную роль играет коллективное бессознательное, которое включает в себя на разных подуровнях национальные, расовые и общечеловеческие верования, мифы, предрассудки. Самый глубокий подуровень коллективного бессознательного отражает то наследство, которое человек получил от животных. Таким образом, коллективное бессознательное является некой сущностью, существующей независимо от развития индивида и его сознания. Это, по словам Юнга, «разум наших древних предков, способ, которым они думали и чувствовали, способ, которым они постигали жизнь и мир, богов и человеческие существа...» [3; 109].

Структурными компонентами коллективного бессознательного являются архетипы (или доминанты, первородные образы, Имаго и т. п.). Это своего рода всеобщие формы мысленных представлений, включающие в себя эмоциональные переживания и даже образы. Например, архетип матери — это всеобщая идея матери с чувственным и образным содержанием. Ребенок наследует этот архетип уже в готовом виде и на его основе воспринимает свою реальную мать.

В отличие от Фрейда, Юнг рассматривает неврозы не как результат конфликтов между глубинными влечениями и требованиями общества, а как несоответствие между различными, неодинаково развитыми функциями личности. Приспособление к жизни, по Юнгу, требует осуществления различных функций, таких как мышление, чувство, интуиция и т. п. Если организм не справляется с какой-то ситуацией, это означает, что необходимая функция нуждается в помощи из сферы бессознательного. Отсюда, чтобы реализовать адаптацию, индивид должен регрессировать, то есть обратиться к более архаическим слоям своей психики. Это и проявляется в форме невроза. При таком понимании невроз не столько болезнь, сколько своего рода стратегическое отступление организма для поиска утраченной функции, необходимой, чтобы творчески решить возникшую жизненную проблему.

Юнг внес в теорию личности и клиническую психологию такие понятия как «интровертированность» и «экстравертированность», «аффективные комплексы» и метод словесных ассоциаций, сочетавшийся с некоторыми физиологическими показателями. Однако в целом идеалистический и зачастую откровенно мистический характер учения Юнга с его концепцией веры, как «психологической истины», противостоя-

щей объективному знанию, сделали его популярным не только среди академических, но и среди клерикальных кругов.

Другой бывший единомышленник Фрейда Отто Ранк видел основу происхождения неврозов в «травме рождения». Эта травма вызывается отделением новорожденного от тела матери и создает в психике индивидуума своего рода резервуар тревожности, который активизируется каждый раз, когда человеку снова приходится переживать отделение от чего-то или кого-то. Это первичное чувство тревожности проявляется в течение всей жизни в двух формах — в «страхе жизни» и «страхе смерти». Первый заключается в том, что человек, осознав свои собственные творческие способности, боится их реализовать, так как это выделит его из привычного окружения, нарушит существующие связи и тем самым приведет к изоляции. «Страх смерти» выражается, напротив, в опасении полностью слиться с окружением и тем самым потерять свою индивидуальность. Вся жизнь проходит в борьбе этих двух проявлений чувства тревожности. Для «нормального» человека дилемма решается одним из двух способов: либо он полностью принимает стандарты общества и теряет свою индивидуальность, либо сохраняет свою автономию, создает собственные стандарты и обрекает себя на изоляцию. Человек, который не может пойти ни по одному из этих путей, становится невротиком. Хотя взгляды Ранка не получили какого-либо заметного распространения, тем не менее у него оказались последователи, которые пошли еще дальше по пути мистики (Нандор Фодор) и грубой биологизации (Филис Гринэйкер), добавив к «травме рождения» пренатальные переживания плода в утробе матери, как фактор, определяющий в дальнейшем душевное здоровье человека.

Близок к Ранку и английский психоаналитик Ян Сатти, изложивший свои взгляды в 1935 г. в книге «Происхождение любви и ненависти» [12]. Сатти ставит акцент на любви к матери. Эта любовь находит свое выражение не просто в удовлетворении, получаемом ребенком в отношениях с матерью, а в общей потребности общения, моральной поддержки, защиты, внимания и руководства. Так как все эти стремления могут быть в дальнейшем реализованы лишь в общественной жизни, то общество со всеми его социальными атрибутами начинает занимать в жизни индивидуума место матери. Любовь к матери и страх перед одиночеством являются отражением в сознании инстинкта самосохранения, возникающего как результат беспомощности младенца в первое время после рождения. Отсюда отношения мать — младенец определяют в дальнейшем весь психический склад личности. Ненависть не является, по Сатти, врожденным свойством, она возникает лишь как реакция на ситуации, в которых появляется опасение потерять любовь. Когда мать по каким-то причинам, в том числе социальным (например, бедность), не может дать ребенку необходимую заботу и любовь, он начинает испытывать переживания, могущие привести к психическим отклонениям. Так, ребенок может считать, что мать не любит его, потому что он не достоин ее любви. Такая позиция ведет к развитию комплекса неполноценности, чувству вины, депрессивным состояниям. В других случаях ребенок, наоборот, может прийти к выводу, что сам он безупречен, а раз мать его не любит, значит она плохой человек. Этот подход ведет в дальнейшем к развитию у индивидуума недоверчивости, подозрительности, мании преследования. Наконец, перед ребенком может возникнуть еще одна альтернатива: если он снова станет маленьким, то мать вернет ему свою любовь. Отсюда появляется тенденция к истерическим реакциям и инфантилизму, которая может привести даже к шизофрении. Итак, Сатти признает роль социальных отношений в жизни отдельного человека, однако он их рассматри-

вает лишь как производные, как дериват отношений матери к ребенку и ребенка к матери.

Несмотря на явно идеалистическую, оторванную от живой реальности, основу, концепция абстрактной «любви» в разных ее вариациях, идущая от догм христианской религии, до сих пор занимает не последнее место во взглядах ряда западных психологов и социологов. Так, например, Поль Халмос прямо призывал психологов заняться интерпретацией «переживаний любви» или «любящего поведения», утверждая, что «доктрина прогресса есть доктрина роста любви» [6; 184].

Интересными социальными посланками и в то же время грубыми биологизаторскими выводами отличаются взгляды психоаналитика Вильгельма Райха, до 1933 года сохранявшего верность ортодоксальному фрейдизму.

В книге «Анализ характера» он писал: «В классовом обществе правящий класс обеспечивает свое положение с помощью воспитания и института семьи, делая свою идеологию правящей идеологией для всех членов общества. Причем это не просто навязывание идеологий, отношений и концепций членам общества, это скорее глубоко идущий в каждом новом поколении процесс формирования психической структуры, которая соответствует существующему социальному порядку во всех странах населения» [3; 101]. Сделав такое многообещающее заявление в одной книге, Райх в другой («Массовая психология фашизма») пытается объяснить возникновение фашизма... подавлением сексуальности. Он утверждает, что поскольку индивидуум в детстве впервые сталкивается с насильственными запретами в вопросах сексуальности, здесь и надо искать корни будущей покорности и агрессивности. Запрещение открытого проявления половых эмоций в детском возрасте ведет, по Райху, к деформации всей личности. Дух ребенка оказывается сломлен, и поэтому у него на всю жизнь сохраняется тенденция подчиняться всем носителям власти. Если человек позже попытается «взбунтоваться», то он может стать лишь просто правонарушителем, преступником. Фашисты — это удачливые преступники, которым удалось захватить власть, потому что другие люди были лишены «нормального» полового развития в детстве и стали слишком покорными. Неврозы всегда имеют корни в характере человека, а характер формируется под влиянием вышеназванных факторов.

Более существенный след в психологических теориях Запада, особенно США, оставили неофрейдисты социального направления. Они полностью отказались от концепций детской сексуальности как доминирующего момента в развитии личности и сделали основной упор на факторы социальной жизни человека. Конечно, это был шаг вперед по сравнению с Фрейдом, но этот шаг далеко не привел еще к действительно научному решению проблем личности и, в частности, ее патологии. Одним из наиболее заметных представителей этого направления был Альфред Адлер, отошедший от Фрейда еще в 1910 году. Обратив внимание на то, что человеческий организм обладает огромными компенсаторными возможностями, позволяющими ему преодолеть отрицательное воздействие тех или иных органических дефектов, Адлер заметил, что компенсация происходит не только на физиологическом уровне, но и в сфере психики. В 1907 году он опубликовал работу «Исследование органической неполноценности и ее психической компенсации». Фрейд приветствовал этот труд, рассматривая взгляды Адлера лишь как дополнение к своей психологии Эго. Однако вскоре обнаружилось, что Адлер не согласен с такой оценкой его теории: он претендовал на создание собственной концепции, так называемой индивидуальной психологии, в которой центральное место было отведено

врожденному чувству неполноценности. В борьбе с этим чувством и формируется человеческая личность. Поскольку «все человечество наделено дефектными органами» [2; 99], то чувство неполноценности носит всеобщий характер и как «вечная мелодия» звучит на протяжении всей человеческой истории. Борьба с этим чувством означает стремление к превосходству. Отсюда «достигнуть, возвыситься, победить» становится главным стимулом человечества, который определяет такое качество, как единство личности. Уже в первые 4—5 лет жизни у ребенка появляется «цель победы», которая направляет его помыслы и действия, создает определенный «стиль жизни», определяет равновесие личности. Но понятия «цели победы», «цели превосходства» у Адлера носят неопределенный расплывчатый характер, как что-то такое, что «в социальном смысле является частью общего достижения» и проявляются как «великое стремление вверх» [2; 162]. В этом смысле его «стремление к превосходству» несколько приближается к позже выдвинутому принципу самоактуализации Голдштейна и Маслоу.

Поскольку человек вынужден жить в обществе, то он обязательно должен обладать «социальным чувством». Это чувство рождается тоже из органического несовершенства, например, из необходимости заботиться о детях, так как они беспомощны, из неизбежности кооперации в труде, так как один человек слаб и т. п. Социальное чувство выражается в способности к «идентификации» человека с другими людьми, ситуациями, целями общества. С этим связана способность любить, жалеть, увлекаться и т. д. От социального чувства зависит все: и «цель превосходства», и «стиль жизни», и «единство личности» и ее душевное здоровье. «Во всех человеческих неудачах, в непослушании детей, в неврозах и невропсихозах, в преступности, самоубийстве, алкоголизме, морфинизме, кокаинизме, в половых извращениях, фактически во всех нервных проявлениях мы можем обнаружить недостаточность должного уровня *социального чувства* (курсив Адлера)» [2; 101].

Разные «стили жизни» могут привести к одному из трех результатов:

1. Успешная компенсация чувства неполноценности в результате совпадения стремления к превосходству с «социальным интересом».
2. Сверхкомпенсация, которая означает одностороннее приспособление к жизни в результате чрезмерного развития какой-то одной черты или способности.
3. Отступление, уход в болезнь.

Каждый невроз можно понять тоже как попытку освободиться от чувства неполноценности и приобрести чувство превосходства. Когда человек не может обеспечить компенсацию «нормальными» способами, он вырабатывает симптомы болезни, чтобы либо оправдать свою неудачу, либо приобрести контроль над окружающими его людьми с помощью своего рода «морального шантажа».

Адлер далеко отошел от Фрейда, отвергнув его пансексуализм, доминирующую роль подсознания, а позже — и понятие врожденной агрессивности. Тем не менее он не смог полностью освободиться от влияния своего учителя. Такие основные категории, определяющие формирование личности, как чувство неполноценности, социальное чувство и социальный интерес, имеют не *социальную* и, тем более, не историческую, а чисто биологическую основу. Неполноценность возникает из органического несовершенства и слабости человека, а социальный интерес, по Адлеру, является *врожденным* свойством человека. Если говорить об идеологической оценке теории Адлера, то, надо заметить, что считая себя социалистом по политическим убеждениям, он факти-

чески выступает как прямой апологет капиталистического общества. Подменяя естественную потребность человека в творчестве сначала «стремлением к власти», а позже неопределенным «стремлением к превосходству», Адлер этим подкрепляет основной принцип капитализма — принцип конкуренции. Разговоры о «социальном интересе» лишь вводят в заблуждение, так как в классовом обществе нет абстрактного социального интереса: до тех пор, пока общество будет состоять из антагонистических классов, социальные интересы будут также носить антагонистический характер.

Другой заметной фигурой в неофрейдистском психоаналитическом движении является Карен Хорни. После того, как она отошла от ортодоксального фрейдизма, определенную роль в формировании ее взглядов сыграли два фактора: временное увлечение марксизмом в 20-х годах и заметное влияние теории Адлера. Сторонники Адлера обвиняли ее даже в плагиате.

Главным понятием теории Хорни является так называемая «изначальная тревожность» или «...чувство, которое ребенок испытывает по причине своей изоляции и беспомощности в потенциально враждебном мире» [8а; 132]. Это чувство может быть ослаблено или усилено соответствующими отношениями между ребенком и родителями и социальными условиями жизни. Для его преодоления ребенок вырабатывает различные типы стратегии. Вначале Хорни выделила четыре типа. Первый выражается в «невротическом стремлении к любви» как средстве обеспечения безопасности в жизни. Второй проявляется в «невротическом стремлении к власти», которое объясняется страхом человека и его враждебностью к людям. Его девиз «если я сильнее тебя, ты не сможешь причинить мне вред». При третьем типе стратегии человек руководствуется принципом: «если я буду избегать людей, они не смогут навредить мне». Следовательно, нужно замкнуться в себе, изолироваться от людей. И, наконец, четвертый тип выражается в «невротической покорности», то есть в полном признании своей беспомощности и незначительности. Поведение человека определяется одной мыслью: «если я подчиняюсь воле других людей, они меня не обидят» [3].

Позже Хорни довела число «стратегий» до десяти за счет их дифференциации, а в 1945 году сгруппировала их в три типа под следующими названиями:

1. Стремление к людям как проявление потребности в любви.
2. Стремление отдалиться от людей, например, потребность в независимости;
3. Стремление действовать против людей, к примеру, потребность обладать властью.

В этих различных ориентациях Хорни видит основу для внутренних конфликтов и неврозов — так называемый «изначальный конфликт». Разница между нормальным человеком и страдающим неврозом сводится лишь к тому, что «...противоречие между конфликтующими тенденциями у нормального значительно меньше, чем у невротика» [8а; 134].

Хорни выделила «ситуационные неврозы», возникающие у нормального человека под влиянием временных внешних обстоятельств (это то, примерно, что психиатры называют реактивными состояниями) и «неврозы характера». Последние являются подлинной болезнью и хотя внешние факторы могут влиять на них в ту или иную сторону, их основа кроется в стойких деформациях психики, в «изначальном конфликте». Противоречия современного капиталистического общества постоянно создают надстройку из новых конфликтных ситуаций на ба-

зе «изначального конфликта». А поскольку невротик отличается «ригидностью реакций», то есть неспособностью гибко варьировать стратегиями поведения, то он оказывается в безвыходном положении.

Помимо вышеназванных стратегий Хорни выделяет еще и такие механизмы, как «идеализация собственного образа», которая заключается в том, что человек, просто не признает свою неспособность разрешить конфликтную ситуацию и «экстернализация конфликтов». Последняя заключается в переносе своих конфликтов на внешнюю ситуацию и на других людей, то есть это лишь новое название для известного механизма проекции.

Таким образом, на теории Хорни так же, как и взглядах Адлера, осталась заметная печать ортодоксального фрейдизма. Хорни резко критиковала биологизаторскую сущность учения Фрейда и в то же время в концепции «изначальной тревожности» и «изначального конфликта» сама отдала дань биологизму. Говоря о противоречиях между условиями капиталистического общества и человеческими потребностями, Хорни подчеркивает главным образом явление конкуренции, свойственное не только экономике, но и личной жизни людей. При этом она не поднимается до уровня социально-исторического анализа общественных явлений, а, наоборот, проявляет тенденцию к их психологизации. Хорни не сумела создать цельную, законченную теорию личности, и полезность ее работ заключается, пожалуй, не столько в каком-то новом содержании, сколько в критике наиболее реакционных сторон учения Фрейда.

Наибольший интерес среди неопрейдистов социального направления представляет, на наш взгляд, Эрих Фромм. Его концепция отличается внешней убедительностью и, вместе с тем, скрытой противоречивостью.

Исходными положениями теории Фромма являются утверждения, что 1) основные проблемы психологии следует рассматривать не с позиций удовлетворения или неудовлетворения того или иного инстинкта, а с точки зрения отношений человека с обществом; 2) отношения человека с обществом постоянно меняются, а не находятся в застывшем, неподвижном состоянии, как это полагал Фрейд.

Отвергая односторонность и биологизации, и грубой социологизации человеческой природы, Фромм ставит перед собой цель показать: «...не только как страсти, желания, тревоги изменяются и развиваются в результате воздействия социального процесса, но также и то, как различные виды энергии человека, выливающиеся в специфические формы, становятся в свою очередь продуктивными силами, формирующими социальный процесс» [3; 151]. Однако правильно поставленная цель далеко не всегда правильно реализуется. Так получилось и у Фромма: стремясь избежать односторонности, он тем не менее стал ее жертвой. Игнорируя марксистский анализ человеческого общества, Фромм построил искусственную схему, опирающуюся на психологизацию общественно-исторических явлений. Три центральных понятия лежат в основе этой схемы: «экзистенциальные дихотомии», или «дихотомии существования», «исторические дихотомии» и «социальный характер» [5].

В основе экзистенциальных дихотомий лежит главный факт эволюции, раз и навсегда выделивший человеческое существо из животного мира — возникновение и развитие у человека сознания. Это сделало человека одновременно биологически и самым слабым среди животных и самым сильным. Дело в том, что животное реализует свое существование в мире с помощью динамичной системы инстинктов и не ощущает себя как нечто отдельное от природы, а составляет ее орга-

ническую часть; оно или изменяется вместе с усложнением природной среды или вымирает. Способ адаптации животного остается неизменным и обеспечивающим полную гармоничность животного бытия. Другое дело у человека. Его разум стал для него не только «благодатью, но и проклятием». С помощью разума он осознал себя как субъекта, отдельного от природы, познал свою смертность, свою силу и свою слабость. Благодаря разуму человек приобрел способность быть **недовольным** своим существованием и познал стремление изменить его. Тем самым, он, оставаясь животным, в то же время стал «причудой» природы, оторвался от нее, потерял «дочеловеческое состояние гармонии» с ней [5; 40]. Это толкает его на поиски другой гармонии, на создание нового, **человеческого** мира, в котором он чувствовал бы себя так же естественно и свободно, как чувствует себя животное в природе.

Главной из дихотомий существования выступает противоречие между жизнью и смертью. Осознание своей смертности оказывает глубокое влияние на человека, его восприятие мира, жизнь и деятельность. Из этой дихотомии возникает другое важное противоречие: с одной стороны, каждый человек является носителем **потенциальных** возможностей всего человеческого рода, с другой — в силу ограниченности своего индивидуального существования он **никогда не может реализовать** эти возможности. Это было бы осуществимо лишь в одном случае: если жизнь каждого индивидуума длилась столько же, сколько жизнь всего человечества. Отсюда Фромм выводит свою концепцию одиночества человека, составляющую также одну из естественных дихотомий. Человек одинок и в то же время не может существовать вне отношений с другими людьми. Он одинок, так как воспринимает себя, как отдельное существо, не похожее ни на какое другое. Но он не может оставаться одиноким, так как должен жить в обществе и его счастье зависит от солидарности с другими людьми, с прошлыми и будущими поколениями. Итак, дихотомии существования являются неизбежными, свойственными самой природе человека условиями его жизни. От них нельзя избавиться, их нельзя изменить.

В отличие от этих противоречий исторические дихотомии в индивидуальной и общественной жизни человека носят совсем иной характер. Они создаются самими людьми и, следовательно, людьми же могут быть устранены. Примером исторических дихотомий может быть противоречие между изобилием и могуществом современных средств производства и неспособностью равномерно удовлетворять человеческие потребности.

Понятие экзистенциальных дихотомий у Фромма имеет очень важное значение, так как именно в них он видит определяющий, даже генерирующий фактор основных человеческих (не биологических) потребностей. Главная из них заключается в стремлении **восстановить** утраченное единство с природой. Человек пытается сделать это путем построения всеобъемлющей картины мира, как **схемы ориентаций**, которая давала бы ответы на вопросы о положении человека и о том, что и как он должен делать. Но человек реагирует на жизнь не только мыслями, но и чувствами, поэтому его схема ориентаций должна включать также и чувственные компоненты в виде приверженностей, поклонения чему-то и т. п. Эту главную потребность человека Фромм назвал потребностью в «схемах ориентаций и приверженностей». На это положение стоит обратить внимание, поскольку, на наш взгляд, именно в нем кроется основное противоречие всей концепции Фромма.

Теперь посмотрим, как Фромм приходит к пониманию «социального характера». Начнем с его определения личности. «Под личностью я понимаю целостность наследуемых и приобретенных психических ка-

честв, характерных для индивидуума и которые делают его уникальным» [5; 50]. В наследуемые качества Фромм включает темперамент, способности и чисто биологические особенности, а приобретенные являются синонимом характера. В отличие от Фрейда Фромм видит основу характера «не в различных типах организации либидо», а в способах отношения человека к миру, которые проявляются в 1) приобретении и усвоении вещей (процесс ассимиляции) и 2) в отношении к людям и к себе (процесс социализации). Поскольку характер ребенка формируется его семьей, а семья играет роль «психологического агента» общества, то характер человека в конечном итоге формируется обществом. При этом в характер вкладываются те черты и качества, которые соответствуют требованиям конкретного общества и условиям жизни в нем. Отсюда можно говорить о «социальном характере», как сумме основных черт, свойственных большинству представителей того или иного класса, той или иной культуры. Индивидуальные характеры являются лишь вариациями социального [4]. Фромм выделяет пять типов взаимодействующих ориентаций у людей в процессах ассимиляции и социализации, соответственно определяющие пять типов характера в зависимости от преобладания той или иной ориентации. Из них нормальным считается лишь один тип, а именно так называемый «продуктивный». Определяющей чертой человека этого типа ориентации и характера является «способность использовать свои творческие возможности и реализовывать заложенные в нем потенциалы» [3; 162]. Причем это относится не только к сфере материального производства, но и ко всем человеческим отношениям, в том числе духовным и эмоциональным. Если личность человека деформирована, то продуктивная способность нарушается и преобладающей становится одна из «непродуктивных ориентаций». Для них характерны механизмы, напоминающие «невротические стратегии» Хорни. Они известны как моральный мазохизм, садизм, деструктивизм и автоматический конформизм. Мазохизм соответствует тому состоянию, которое Хорни называла «невротической потребностью в любви», моральный садизм сходен с «невротическим стремлением к власти», автоматический конформизм близок к «невротической покорности». Деструктивизм — это стремление разрушить мир, перед лицом которого человек чувствует себя одиноким и бессильным.

Правильно указывая, что причиной патологических состояний личности являются в конечном итоге бесчеловечные условия капиталистического общества, Фромм в своем анализе социальных отношений и их исторического развития оказывается в лабиринте противоречий.

Так, основная потребность человека — потребность в «схеме ориентаций и приверженностей» — вытекает для Фромма из естественной дихотомии существования, которая носит по существу биологический характер. Но ведь потребность в такой схеме возникает лишь на том этапе развития человека, когда он начинает жить в обществе и у него возникает сознание, а вместе с ним и дихотомия между человеком и обществом, а не природой. Схема ориентаций нужна человеку не для того, чтобы вообще определить свое место, а для того, чтобы найти свое место в обществе, выявить свои отношения к обществу, к другим людям и к самому себе. Равным образом Фромм считает изначальной и потребность человека в свободе и справедливости. Однако понятия свободы и справедливости имеют социальную природу; человек не рождается с ними, а приобретает их, и, как следует из взглядов самого Фромма, они не могут носить абстрактный характер, а для каждого класса и на разных этапах развития общества носят различное содержание.

Далее, в понимании Фроммом социального характера личности проявляется явная психологизация истории. По его схеме экономические отношения определяют социальный характер людей, а из их характера рождается вся идеологическая надстройка общества. Так, он пишет: «...мы полагаем, что идеологии и культуры вообще имеют свои корни в социальном характере, а сам социальный характер складывается под влиянием способа существования данного общества...» и далее: «социальные условия воздействуют на феномены идеологии через социальный характер» [4; 299]. Таким образом, Фромм неизбежно приходит к грубо ошибочному толкованию общественно-исторических явлений. Например, возникновение фашизма в Германии объясняется у него не обострением классовой борьбы, в результате которой правящие классы уже не могли сохранять власть с помощью обычного буржуазно-демократического государственного аппарата, а социальным характером немецкого рабочего класса, которому, по утверждению Фромма, было свойственно «глубоко укоренившееся уважение и чувство приверженности к установленной власти» [4; 293]. Очевидно, что такое утверждение просто-напросто игнорирует всю историю рабочего и революционного движения в Германии.

Коротко о теории Салливена. Хотя этого автора и объединяют традиционно в одну группу с Хорни и Фроммом, на наш взгляд, он по сравнению с ними делает шаг назад к Фрейду. По мнению Салливена, личность — это просто гипотетическое понятие, созданное лишь для исследования межличностных отношений, так как вне этих отношений личность не существует. Он признает формирующее влияние общества на личность, однако в его представлении это влияние фокусируется главным образом в отношениях родителей к ребенку.

Жизнь человека определяется, по Саллиvenu, двумя главными влечениями: стремлением удовлетворять свои потребности и желания и стремлением к безопасности, которые нередко вступают в противоречие. Дело в том, что потребности и желания имеют чисто физиологическую основу, а стремление к безопасности означает такое удовлетворение потребностей, которое не вызвало бы неодобрения общества. Отсюда возникают тенденции быть «хорошим», т. е. удовлетворять свои потребности в соответствии с принятыми в обществе нормами, и не быть «плохим». Боязнь быть «плохим» или неспособность удовлетворить свои потребности в тех формах, которые предписывает общество, порождают чувство тревожности, могущее привести к различным патологическим явлениям. Тревожность возникает прежде всего в отношениях ребенка с родителями, ибо от них он впервые с помощью явления эмпатии, то есть «эмоционального заражения или общности» приобретает чувства «хорошего» и «плохого». Этот процесс начинается очень рано, еще до того, как ребенок приобретает способность к мышлению, поэтому переживания тревожности периода раннего детства носят особенно стойкий характер. Собственно они-то и определяют главным образом все будущее развитие психики человека, в том числе и ее патологические отклонения.

*
* *
*

Психоаналитические теории до сих пор имеют широкое распространение на Западе либо в своих исходных формах, либо в различных модернизированных вариантах. Главное заключается в том, что как и прежде, теоретики психоанализа вольно или невольно, прямо или косвенно выполняют функцию идеологической защиты буржуазного общества с позиций психологии. А это общество создало такие условия

для жизни человека, при которых, по мнению писателя Нормана Мейлера, «психопат может быть в самом деле является извращенным и опасным предвестником нового типа личности, которая еще до конца XX столетия станет главным выражением человеческой природы» [7].

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ганушкин П. Б. Избранные труды. М., «Медицина», 1964.
2. Adler A. Individual Psychology. Hall C. S., Lindzey G. (Eds). Theories of Personality. N. Y., 1965.
3. Brown J. A. C. Freud and the Post-Freudians. Penguin Books, 1964.
4. Fromm E. Escape from Freedom. N. Y., 1941.
5. Fromm E. Man for Himself. London, 1967.
6. Halmos P. Psychology and the Ideology of Progress. Foulkes S. H. and Prince G. S. (Eds.) Psychiatry in a Changing Society. London, 1969.
7. Harrington A. The Coming of the Psychopath. "Playboy", 1971, vol. 18, No. 12.
8. Hilgard E. and Atkinson R. Introduction to Psychology. N. Y., 1967.
- 8a. Hall C. S., Lindzey G. Theories of Personality. N. Y., 1957.
9. Leighton A. H. The Other Side of the Coin. "The American Journal of Psychiatry", 1971, vol. 127, No. 11.
10. Marcuse H. Five Lectures: Psychoanalysis, Politics and Utopia. Boston, 1970.
11. Rubinstein E. A. Paradoxes of Student Protests. "American Psychologist", 1969, vol. 24, No. 2.

CLASS ORIENTATION OF THE BOURGEOIS PSYCHOLOGY OF ABNORMAL PERSONALITY: FREUDISM AND NEO-FREUDISM

S. K. ROSHCHIN

Summary

Personality is the product of socio-historical development and of social relations. Any theory of personality, therefore, necessarily reflects the views of its author on the position of man in human society and in the history of the society. (This is true even if some authors try to reduce personality to purely biological factors). As a result of this, the personality theories show the class orientation of their authors, that is, make clear which class interests these authors objectively defend using the means of psychological science. Notwithstanding the conceptual and methodological differences, practically all the bourgeois theories of personality serve in one or another way as useful tools of bourgeois ideology. One of the methodological approaches used for this purpose is biological reductionism, that is supplementing factors of social origin by biological ones. The theories of Freud, post-Freudians and neo-Freudians are analysed from this point of view.

